ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/68/1

ДОСЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КОНТЕКСТА ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ АСКРИПТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, andryusha.fsf@gmail.com

Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос об определении роли контекста при употреблении аскриптивных выражений. Анализируются различные типы аскрипций: ориентированные на следование внеязыковому правилу или детерминированные личной позицией агента речи. Определяется специфика правомерного и коммуникативно успешного употребления соответствующих языковых выражений. На основании анализа условий правомерности и коммуникативной успешности различных аскриптивных актов выявляется их взаимосвязь с внеязыковыми контекстуальными компонентами, составляющими некоторые речевые ситуации: нормативные правила и намерения говорящего.

Ключевые слова: аскрипция, философия языка, семантика, контекст

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Досемантическая роль контекста при употреблении аскриптивных выражений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 5–14. doi: 10.17223/1998863X/68/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

PRESEMANANTIC ROLE OF CONTEXT IN A USE OF ASCRIPTIVE EXPRESSIONS

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, andryusha.fsf@gmail.com*

Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. From the whole set of ascriptive expressions, at least two types can be distinguished: expressions, the use of which is determined by a certain extralinguistic rule,

and expressions, the use of which is determined by the personal position or assessment of the agent of speech. For expressions of the first type, it is characteristic that their use in the language may turn out to be either legal or illegal. Whereas the use of ascriptive expressions of both types can be considered from the point of view of communicative success. In both cases, the context of the speech situation plays a decisive role. It is thanks to the context that it becomes possible to determine whether the speaker is oriented to a certain rule or his statement is oriented to a personal setting. In exactly the same way, the context is used to assess the legality of the use of an ascriptive expression, since the law itself is one of the elements that form the context. This use of context by John Perry is called presemantic.

Keywords: ascription, philosophy of language, semantic, context

Acknowledgments: the study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Andrushkevich, A.G. (2022) Presemantic role of context in a use of ascriptive expressions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/1

Основным вопросом настоящей работы является вопрос о корреляции употребления аскриптивных языковых выражений с их перформативной составляющей. Ввиду того что эта корреляция не является чем-то очевидным, несомненно возникает потребность, не позволяющая обойти себя вниманием, дополнить и детализировать вопрос о том, каким образом употребление аскриптивного выражения можно считать либо правомерным, либо успешным (с коммуникативной точки зрения), либо и то и другое. Однако прежде всего мы должны прийти к однозначному пониманию сущности требуемых уточнений. Что такое правомерно осуществленная аскрипция? Может ли аскрипция быть осуществлена неправомерно? Если да, то каким образом? Что такое успешно осуществленная аскрипция? Чем отличается успешно осуществленная аскрипция от провальной или безуспешной аскрипции? Лишь ответив на поставленные и довольно схожие вопросы (точнее, две пары вопросов), мы сможем перейти к наиболее существенной и, надеемся, значимой для теории аскрипции части настоящей работы.

Итак, что мы понимаем под правомерным или, что более верно, правомерно осуществленным аскриптивным языковым выражением? Для ответа на этот вопрос следует помнить о том, что как минимум *некоторые* аскриптивные выражения осуществляются на основании соответствующих внеязыковых конвенциональных правил. Высказывания «преступление, которое совершил Билл», «победный гол Садио Мане в полуфинале Лиги чемпионов», «Elden Ring – это самая ожидаемая видеоигра 2021 года», «Джон – банкрот», «Шелли – мать одиночка» представляют собой примеры аскриптивных выражений. Напомним, что аскриптивным является такое языковое выражение, посредством которого осуществляется приписывание некоему объекту или положению дел определенного статуса. Выражение «преступление, которое совершил Билл» было подробно рассмотрено нами ранее [1]; в этой связи ограничимся лишь кратким уточнением остальных приведенных примеров, подразумевая для каждого из них аналогичный ход мысли.

4 мая 2022 г. на стадии 1/2 Лиги чемпионов в ответном матче «Ливерпуля» против «Вильярреала» Садио Мане осуществил взятие ворот испанского клуба. Данное обстоятельство было квалифицировано как гол. Также учитывается то, что именно действия сенегальского спортсмена принесли победу

английской команде, и в этой связи данному голу *приписывается статус победного*.

10 декабря 2021 г. прошла церемония The Game Awards 2021, в ходе которой путем голосования была определена самая ожидаемая компьютерная игра следующего года – наибольшее число голосов было отдано за видеоигру Elden Ring, на основании чего ей присваивается статус *самой ожидаемой игры 2022 г.*

Джон – большой любитель посещать ипподром и делать ставки на скачках. Последнее время ему не везло, но он занимал деньги и продолжал посещать ипподром. В итоге его долговые обязательства перед банком составили сто тысяч. Более того, имущества или доходов для взыскания Джо не имеет. Однако он внимательно слушал лекции по экономике в университете, поэтому воспользовался своим правом и во внесудебном порядке подал заявление о банкротстве, которое было одобрено, т.е. Джону *приписывается статус банкрота*.

Шелли родила своего первенца вне брака, а в графе «Отец» в свидетельстве о рождении ребенка стоит прочерк. В связи с этими обстоятельствами ей *приписывается правовой статус матери-одиночки*.

Как можно заметить, все четыре рассмотренные выше языковые выражения объединяет то, что каждое из них приписывает определенный статус (победный гол, самая ожидаемая игра года, банкрот, мать-одиночка) конкретному положению дел (взятие ворот, которое принесло команде победу в футбольном матче; победа в голосовании; наличие долговых обязательств; рождение ребенка вне брака). Однако это не единственное сходство, данные выражения объединяет так же и то, что все акты приписывания осуществляются на основании соответствующих внеязыковых правил. Для ответа на вопрос «Что такое правомерно осуществленная аскрипция?» именно это обстоятельство является ключевым. Во всех четырех (а если учитывать выражение «преступление, которое совершил Билл», то во всех пяти) случаях аскриптивный акт определяется конкретным и однозначным правилом. Во всех случаях правило представляет собой нечто не зависящее от говорящего и внешнее по отношению к языку, т.е. данные правила нельзя рассматривать как правила лингвистические. Более того, для каждого из выражений можно справедливо утверждать, что предполагаемый агент речи в курсе соответствующего правила и ориентируется на него. Если брать в расчет те скудные данные о рассматриваемых высказываниях, которые представлены выше, можно также сделать вывод о том, что говорящий не просто знает о существовании правила и ориентируется на него, но и делает это весьма успешно, т.е. правила ни коим образом не нарушает (во всяком случае, приведенные нами примеры это предполагают).

Уточним это на единственном примере – высказывании «Джон – банкрот». В государстве, в котором проживает Джон и гражданином которого является, общий размер задолженности для признания лица банкротом во внесудебном порядке должен составлять не менее 50 тысяч и не должен превышать 500 тысяч. Далее лицо должно иметь долговые обязательства строго определенного вида, к коим относятся задолженность перед банком (именно у банка Джон продолжал одалживать деньги под процент). Следующее, что установлено, – должник не должен иметь достаточных для выплаты долга

доходов и имущества. Джон, как уже было отмечено, таковыми не располагает. В сущности, мы рассмотрели ключевые положения закона о банкротстве и можем сделать вывод, что ситуация Джона полностью им соответствует. Следовательно выражение «Джон – банкрот», которое представляет собой приписывание Джону определенного экономического статуса, употребляется в соответствии со всеми значимыми внеязыковыми правилами. Мы отдаем отчет в том, что не всякое употребление «Джон – банкрот» осуществляется с оглядкой на приведенные правила, но из множества возможных вариантов употребления данного выражения можно выделить, к примеру, ситуацию, когда о банкротстве Джона говорит банкир или судебный пристав. Мы убеждены, что и работник банка, и правоприменитель в курсе тех положений закона и обстоятельств дела, на основании которых Джон был признан банкротом. Ничто не мешает нам представить, как приятель Джона, комментируя то, почему Джон не может позволить себе самостоятельно купить выпивку в баре, говорит: «Джон – банкрот». Однако данная ситуация, на наш взгляд, в своей сущности имеет мало общего с приведенными выше вариантами употребления выражения, поскольку говорящий не ориентируется на данные правила и, тем более, противоречит им. Уже сейчас можно уточнить, что приятель Джона намеренно приписывает ему статус банкрота, но основанием служит не соответствующее правило, а личная оценка финансового положения Джона.

Таким образом, мы приходим к заключению о том, что иногда употребление аскриптивных языковых выражений детерминировано определенными правилами. Те ситуации, когда говорящий ориентируется на определенные правила и когда эти правила соблюдены, мы и подразумеваем, говоря о правомерных случаях употребления аскриптивных выражений.

Теперь нужно уточнить, каким образом аскриптивное языковое выражение может быть неправомерным. Для этого обратимся к языковому выражению «победный гол Садио Мане в полуфинале Лиги чемпионов». Далее, мы уточняем, что «победным» считается тот гол, с которого начинается победа одной команды над другой. Всего в матче «Ливерпуля» против «Вильярреала» в ворота испанской команды мерсисайдцы забили три гола. Первый гол англичан при счете 0 : 2 забил Фабиньо, далее Диас сравнял счет и после Мане вывел свою команду вперед, установив итоговый счет 3 : 2 в пользу «Ливерпуля». Соответственно, победа началась с третьего взятия ворот «Вильярреала». В таком случае, следуя ранее указанному правилу, мы должны квалифицировать в качестве «победного» гол Мане, поскольку к этому нас подводит соответствующее правило. Однако в силу каких-либо обстоятельств Смит не знает наверняка того, в каком порядке футболисты «Ливерпуля» забивали голы. Он полагает, что голом, с которого началась победа «красных», был гол Фабиньо и поэтому употребляет выражение «победный гол Фабиньо в полуфинале Лиги чемпионов». Смит знает правило, он ориентируется на него, поскольку хочет создать впечатление, что разбирается в футболе и очень им интересуется, но тем не менее совершает ошибку: гол Фабиньо не является победным согласно правилу и в силу этого употребление Смитом рассматриваемого выражения правилу противоречит. Именно подобные ситуации мы имеем в виду, когда говорим о неправомерном осуществлении аскрипции.

Мы рассмотрели случай, когда говорящий владеет неверной информацией и вследствие этого не может соблюсти правила, но это не единственный возможный вариант. Агент речи может иметь искаженное представление о самом правиле, что также будет приводить к невозможности следовать ему. К примеру, Смит знает, в каком порядке игроки «Ливерпуля» осуществляли взятие ворот соперника, и думает, что «победным» считается первый гол, забитый командой-победителем. В таком случае он будет говорить о «победном голе Фабиньо в полуфинале Лиги чемпионов», что противоречит правилу. Возможен также вариант, где агент речи знает правило и владеет верной информацией, но не имеет возможности следовать правилу или допускает ошибку случайно. Эти ситуации мы полагаем в качестве вариантов того, как употребление аскриптивного выражения может быть осуществлено неправомерно, т.е. с нарушением соответствующего правила, и даем утвердительный ответ на вопрос, может ли аскрипция быть осуществлена неправомерно.

Далее следует прояснить, что представляет собой успешно осуществленная аскрипция. Мы говорим об успешности или безуспешности именно с коммуникативной точки зрения. Несмотря на всестороннее рассмотрение языка философами, основной его задачей или функцией в жизни человека была и остается функция коммуникативная, на что указывал еще Роман Якобсон [2. С. 203]. Таким образом, мы утверждаем в качестве успешно осуществленной аскрипции такое языковое аскриптивное выражение, которое было успешным именно с коммуникативной точки зрения, т.е. было адекватно воспринято или понятно собеседнику.

Ранее мы касались только тех аскриптивных выражений, употребление которых сопряжено со следованием некоему однозначному и конвенциональному внеязыковому правилу. Однако можно ли говорить о том, что имеет место и некий иной вариант аскриптивных выражений, употребление которых не подразумевает наличия такого правила? Мы склонны ответить на данный вопрос утвердительно и далее намерены привести ряд аргументов в пользу такого ответа. Со всей уверенностью мы предполагаем, что имеют место такие сферы активности человека, которые исключают саму возможность их регулирования конвенциональной и независимой от человека совокупностью правил. К подобным сферам как минимум можно отнести этику, эстетику, а также склонность человека определенным образом оценивать то, что его окружает (с точки зрения пользы, эффективности, целесообразности и т.п.). К таким выражениям мы относим «изучение английского языка полезно», «ты поступил правильно», «Квентин Тарантино – гений», «Джон – очень добрый человек», «фильм „Бешеные псы“ прекрасен». Для каждого из приведенных примеров справедливо то, что данные языковые выражения представляют собой приписывания определенного статуса (полезности, правильности, гениальности, быть добрым, быть прекрасным) некоему объекту или положению дел. Может возникнуть ощущение, что эти примеры в своей сущности ничем не отличаются от тех выражений, которые мы рассматривали в начале работы, но это не так. Если ранее мы обнаружили закономерную связь между употреблением языкового выражения и следованием некоему конвенциональному внеязыковому правилу, то можем ли мы говорить о наличии подобной связи применительно к данным выражениям? Существует ли некая конвенциональная нормативная установка, позволяющая определить

полезность изучения иностранного языка? Конечно, повседневная интуиция подсказывает нам, что изучать, к примеру, английский язык – очень полезное занятие, которое открывает новые возможности в путешествиях, позволяетзнакомиться с работами зарубежных философов, не дожидаясь их перевода, или смотреть кино на языке оригинала. Но будет ли полезным изучение иностранного языка для человека, который страдает от лишнего веса или имеет проблемы со здоровьем? Возможно ли, что более полезным будет изучать биологию, потому что через месяц нужно сдавать экзамен, тогда как экзамен по иностранному языку был сдан еще в прошлом году? Возникают вопросы: на какое правило следует ориентироваться, приписывая изучению иностранного языка статуса «быть полезным»? Где зафиксированы нормативные положения, позволяющие однозначно и правомерно квалифицировать Джона как доброго человека? На основании какого правила мы определяем «Бешеных псов» как прекрасную картину, а «Убить Билла» – просто как хороший фильм? Подобными вопросами можно задаваться и дальше, но интуитивный итог от этого не изменится: иногда аскриптивный акт осуществляется без ориентации на правило. Но тогда на основании чего? Очевидно, что мой вывод о гениальности Квентина Тарантино не есть вывод спонтанный или безосновательный. Здравый смысл подсказывает, что при употреблении подобных выражений говорящий так или иначе подразумевает следование некоторой установке. Попробуем уточнить, что подобная установка может представлять собой.

Рассмотрим аскриптивное выражение «фильм „Бешеные псы“ прекрасен», суть которого – приписывание статуса «быть прекрасным» соответствующему фильму. Очевидно, что данное выражение является эстетическим и, соответственно, посредством аскриптивного акта происходит приписывание определенной эстетической оценки. Нам неизвестны никакие intersubjective правила, на которые можно было бы опереться при осуществлении аскрипции подобного рода. Но тем не менее и безосновательным употребление данного выражения полагать не следует. По всей видимости, имеет место некий критерий, который нельзя считать общезначимым или конвенциональным, такой критерий, который вытекает из личного и субъективного опыта говорящего. Так, профессор С.О. Малевинский пишет: «В качестве критериев выражаемых ими оценок выступают человеческие представления об эстетически идеальных формах оцениваемых объектов, их расцветках, движениях и звучаниях» [3. С. 135]. Соответственно, приписывание определенного эстетического статуса или, перефразируя, вынесение эстетической оценки оказывается ситуацией, определяемой «человеческими представлениями», т.е. чем-то сугубо личным и субъективным. Более того, в полной мере никто, кроме Джона, не может ориентироваться на его *личные* эстетические представления и, соответственно, присвоить эстетическую оценку «быть прекрасным» какому-либо объекту. Безусловно, Джон не единственный, кто считает «Бешеных псов» прекрасным фильмом, но он единственный, кто делает это на основании своего эстетического переживания.

Аналогичный ход мысли мы предполагаем не только для иных эстетических аскриптивных выражений, но и для этических, и для оценочных. Таким образом, можно говорить о том, что среди множества аскриптивных языковых выражений встречаются как те, что ориентированы на следование неко-

торому внеязыковому конвенциональному правилу, так и те, что ориентированы на личное и субъективное переживание или мнение говорящего. В определенном смысле соответствие некой внеязыковой установке характерно для всех аскриптивных выражений, но не всегда данная установка представляет собой нормативную и общезначимую.

Мы рассмотрели общие положения, касающиеся различных классов аскриптивных языковых выражений, и теперь можем обратиться к вопросу об условиях успешности употребления аскриптивного выражения юридического языка «Шелли – мать-одиночка». Вопрос можно явным образом уточнить и конкретизировать: при соблюдении каких требований собеседник адекватно поймет, какой статус приписывается, на каком основании и какому объекту/положению дел? Первое и, на наш взгляд, наиболее очевидное условие – понимание того, к кому осуществляется *референция*. По замечанию П.Ф. Стросона, языковое выражение «само по себе не имеет референции к чему бы то ни было, хотя и может быть в разных случаях употреблено к бесчисленному множеству предметов» [4. С. 65], т.е. адресат должен понимать, к какой именно Шелли осуществляется референция. Пожалуй, понимание есть первейшее условие, необходимое для успешной коммуникации, однако уточнение тонкостей этого вопроса не входит в наши задачи. Заметим лишь, что мы используем понятие референции в одном из двух возможных значений, которые предлагает Л.Б. Макеева в работе «О референции и онтологии» [5]: она определяет используемое нами понятие референции как «действие, совершаемое людьми».

Следующее условие – адресат должен понимать, какой именно статус приписывается объекту. В рассматриваемом примере должно иметь место понимание собеседником того, что такое «мать-одиночка», т.е. содержание данного статуса. Мы не предполагаем, что необходимым является знание правовых тонкостей и последствий признания за женщиной соответствующего статуса. Напротив, это излишне и никак не влияет на успешность коммуникации. Для понимания того, что представляет собой статус «мать-одиночка», необязательно знать, полагается ли матери-одиночке социальное пособие, а если полагается, то каков порядок его получения. Тем не менее, если Билл хочет узнать, по какой причине Шелли получает пособие, но не обладает знанием того, что имеет место соответствующий статус, то ответ «потому что Шелли – мать-одиночка» окажется для него недостаточным. И, наконец, условие, которое в определенном смысле является ключевым: адресат должен понимать, что имеет место некое внеязыковое конвенциональное правило, на основании которого Шелли квалифицируется как мать-одиночка. При незнании адресатом факта существования такого правила, а в определенных случаях и его содержания, нет никакой гарантии того, что коммуникация будет успешной. Например, работник социальной службы должен обладать знанием того, что статус «мать-одиночка» присваивается строго на основании соответствия описанных выше критериев. Но, к примеру, работнику банка для уточнения причин, по которым Шелли претендует на льготное кредитование, достаточно знания факта существования правил, тогда как знание самих правил является избыточным.

Возможно, рассмотренные выше критерии могут показаться исчерпывающими, но мы убеждены, что упустили из виду важное условие. Допустим,

Джон хочет знать, почему Шелли воспитывает дочь одна, на что получает от Билла ответ: «Потому что она мать-одиночка». Следует ли квалифицировать данное выражение как неправомерно осуществленную аскрипцию в силу того, что Билл не учитывает конвенционального правила? Полагаем, что данная ситуация аналогична множеству ситуаций обыденного использования языка, когда мы приписываем оценку, омонимичную конкретному интерсубъективному статусу. Так, к примеру, мы говорим: «Ты мошенник!», узнав, что кто-то не стал покупать дорогой компьютер за полную стоимость, а дождался распродажи и купил его за половину цены; или говорим: «Ливерпуль чемпион», хотя на самом деле эта команда в текущем чемпионате финишировала лишь второй. Мы склонны полагать, что подобные ситуации не следует клеймить как противоправные (хотя внешне они выглядят именно так), поскольку агент речи не предполагает следования правилу, поскольку отсутствует *намерение* ему следовать. Для обоих возможных вариантов (говорящий знает или не знает о наличии правила) можно предположить такие условия употребления языкового выражения, в которых определяющую роль будет играть отсутствие намерения следовать правилу. Именно таким случаем мы считаем использование аскриптивного выражения «Шелли – мать-одиночка» в ответ на вопрос о том, почему она одна воспитывает дочь.

Безусловно, намерения агента речи суть недостаточное условие для утверждения некоего нового объекта, каким является статус матери-одиночки, но для определения успешности коммуникации необходимо учитывать в качестве условия пропозициональное содержание иллокутивного акта, которое как раз и представляет собой намерение агента речи. Ключевым аспектом, формирующим и обеспечивающим понимание намерений собеседника, является речевая ситуация или же контекст. Джон Перри в статье «Индексалы, контекст и неартикулированные конституенты» пишет: «Иногда мы используем контекст, чтобы выяснить, в каком значении используется слово, или какое из нескольких слов, которые выглядят или звучат одинаково, используется, или даже на каком языке говорят. Это досемантическое использование контекста» [6. С. 1]. Помимо указанных Перри способов использования контекста употребления языка, мы можем обращать на него внимание с целью установить, ориентируется ли говорящий на внеязыковые правила или же нет. Так, к примеру, если выражение «Шелли – мать-одиночка» употребляется во время детского спектакля, то ситуация указывает, что говорящий не ориентируется на соответствующее правило и употребляет данное словосочетание ненормативно. Безусловно, выражение продолжает оставаться аскриптивным, но представляет собой не приписывание статуса на основании правила, а намерение приписать статус (оценку) без учета или ориентации на правило. Подобные случаи интересны тем, что говорящий не берет на себя онтологических обязательств, поскольку не инициирует нового объекта, каким является социально-правовой статус Шелли. Если в рассмотренном случае собеседник будет полагать, что агент речи имеет в виду, что Шелли родила своего первенца вне брака, а в графе «Отец» в свидетельстве о рождении ребенка стоит прочерк, то коммуникацию нельзя будет назвать успешной, поскольку выводы не соответствуют намерениям говорящего.

Таким образом, можно сказать, что при употреблении аскриптивных выражений контекст может использоваться досемантически двумя способами.

Первый способ – это использование контекста для определения оснований аскриптивного акта, т.е. для установления того, осуществляется аскрипция на основании либо личных соображений говорящего, либо следования определенному конвенциональному правилу. Верная оценка контекста речевой ситуации как раз и является одним из тех обстоятельств, определяющих коммуникативную успешность употребления аскриптивных выражений, поскольку указывает на потенциальные намерения агента речи. Второй способ – это наличие определенного конвенционального внеязыкового правила, которое составляет контекст некоторых речевых ситуаций. Более того, сам факт существования такого правила позволяет правомерно осуществлять аскриптивный акт.

Список источников

1. Андрушкевич А.Г. Онтологический статус аскриптивных выражений в обыденном языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 5–13.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М., 1975. С. 193–231.
3. Малевинский С.О., Ахмадзай С.А. Эстетические оценки и их языковое выражение // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 3 (70). С. 128–136.
4. Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 55–86.
5. Макеева Л.Б. О референции и онтологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV, № 3. С. 42–57.
6. Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents // *Computing Natural Language* / eds. A. Aliseda, R. van Glabbeek, D. Westerstahl. Stanford, 1998. P. 1–12.

References

1. Andrushkevich, A.G. (2019) The Ontological Status of Ascriptive Expressions in Ordinary Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/1
2. Jacobson, R. (1975) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. In: Basin, E.Ya. & Polyakov, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “for” and “against”]. Moscow: Progress. pp. 193–231.
3. Malevinskiy, S.O. & Akhmadzai, S.A. (2018) Aesthetic evaluations and their language expression. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*. 3(70). pp. 128–136. (In Russian).
4. Strawson, P.F. (1982) O referentsii [About reference]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. XIII. Moscow: Raduga. pp. 55–86.
5. Makeeva, L.B. (2010) O referentsii i ontologii [On reference and ontology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 25(3). pp. 42–57.
6. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. In: Aliseda, A. van Glabbeek, R. & Westerstahl, D. (eds) *Computing Natural Language*. Stanford: Stanford University. pp. 1–12.

Сведения об авторе:

Андрушкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ассистент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – Junior researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); assistant, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 04.04.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*